

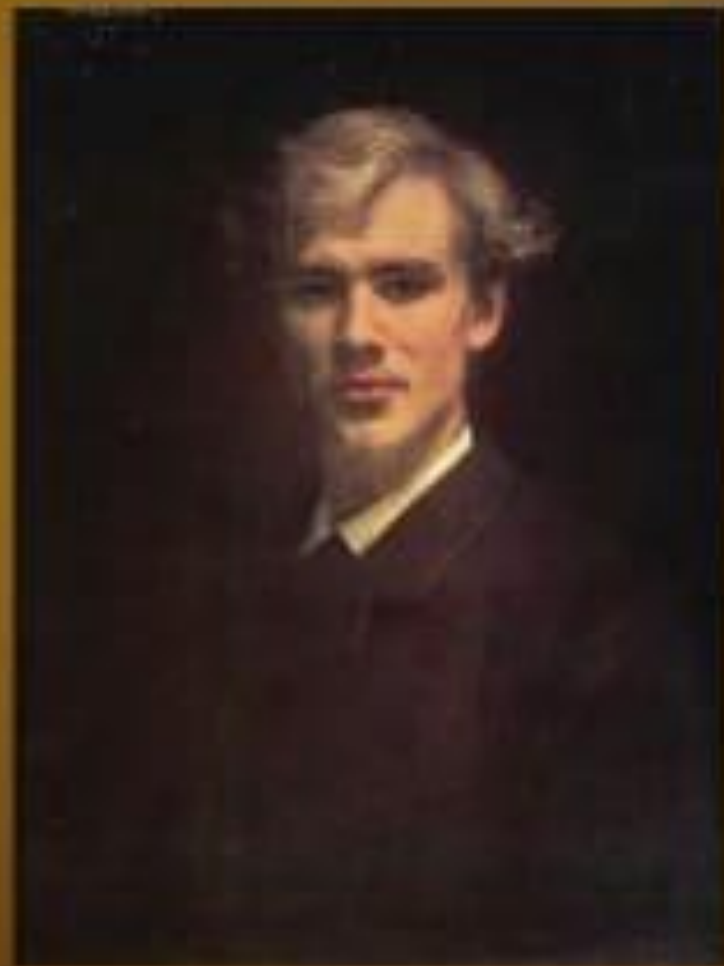
РУССКИЙ ПУТЬ ВРАЧЕБНОЙ МЫСЛИ В ТРУДАХ С.П.БОТКИНА.

д.м.н., профессор Валерий Николаевич
Катюхин

МУ РЕАВИЗ

МЦ«ЕвроМедика»

В августе 1850 года после окончания престижного пансиона Эннеса по классу общего образования и музыки, Сергей Боткин поступил в Московский университет, который окончил в 1855 году, получив не обычное звание лекаря, а доктора и диплом «Лекарь с отличием»

Какие знания получал будущий кумир в рамках университета, в каком качестве находились русские врачи и русская медицина в то время, прекрасно осветил Евграф Александрович Головин - Действительный статский советник, почетный лейб-медик, доктор медицины (1842, Москва — 1909, Санкт-Петербург)

Он писал: «медицинские кафедры во всех русских университетах были заняты людьми, лучшие из которых не выходили за уровень посредственности. Ученым считали уже того, кому удавалось перевести с иностранного на русский язык или скомпилировать, с грехом пополам, какое-нибудь руководство по лечению болезней. Большинство преподавателей повторяло из года в год одни и те же, раз и навсегда заученные лекции, сообщая подчас сведения, носившие средневековый отпечаток». Научной медицины не было.

Поэтому уже во время учебы Сергей Петрович успешно перенял у молодого профессор Павла Лукича Пиккулина (мужа его сестры Анны Петровны Боткиной) технику перкуссии и аускультации; студенты и преподаватели считали его на курсе первым в этом искусстве.

После получения диплома, осенью 1855 года молодой врач С.П.Боткин поступил ординатором в бахчисарайский лазарет великой княгини Елены Павловны и под начальством Н.И.Пирогова, служил в армии до окончания войны; был очень прилежен, но во время операций убедился, что хирургом ему не быть, так как не мог отыскать кровотокающие сосуды вследствие сильнейшей близорукости.

В декабре 1856 года С.П.Боткин не принял первое предложение работать в ВМА и несколько лет решил потратить на обучение в клиниках Германии, Австрии, Франции и Англии, израсходовав на это свою часть наследства (около 10 тысяч рублей золотом), полученную после смерти отца (2 июля 1853).

Во время кратковременной службы в армии Сергей Петрович увидел всю неприглядность отечественного врачевания. Весь ужас выбранной профессии в России того времени крайне слабо освещен современниками. Но уровень российской медицины середины 19 века можно оценить, прочитав эмоциональные слова уже другого писателя, которые были написаны в казематах Лубянки между пытками и допросами 1937-38 годов. Рукопись хранили в строжайшей тайне в самом сверхсекретном сталинском архиве и она вышла в свет через 56 лет после расстрела автора.

Николай Иванович Бухарин. Времена. – М.: Аграф, 2009. – 384 с.

- Больница отражала всю физиологическую исполню социальной жизни: раны от пьяных драк, истощение от голодовок, бытовой сифилис, заражение крови у рожениц, кашель чахоточных, рахитизм у детей, кровавые поносы, лишай, колтуны, золотуха. Амбулатория больницы всегда была битком набита народом страждущим и обремененным: бабы с грудными младенцами, мужики в лаптях – все серо, убого, грязно, несчастно... у той дитя зашло и уж совсем посинело; у того от тряски вывалились из раны чуть ли не все внутренности; а роженица с эклампсией, так по дороге совсем померла...
- В палате лежали тяжелобольные: исхудалые, кожа да кости, они были похожи на трупы под белыми простынями; их потухшие глаза медленно обводили непривычно большую светлую комнату, и их тянуло умирать к себе, домой, в душную и грязную избу, где теплее измученной душе... В заразной палате царствовали тиф, дифтерит, скарлатина. А в покойницкую носили на носилках окоченевшие тела, прикрытые холстом, – здесь кончались все мучения, горести, радости и надежды, и была одна *mors immortalis*, бессмертная смерть.

И тот же автор вдруг вставляет слова: - Nicht wetter, bitte, Mariechen, Bleiben sie hier, Schon genug!

Это уже отражало «современные» русские клиники середины 19 века: практическая медицина находилась в руках больничных врачей, которыми преимущественно были немцы, особенно в петербургских больницах. Скорбные листки велись на немецком языке, и были случаи, когда врачи затруднялись объясниться по-русски со своими пациентами. У жителей невольно сложилось убеждение, будто хорошо может лечить только врач нерусского происхождения. Поэтому не только высшее общество, но также купцы и даже зажиточные ремесленники лечились у врачей немцев.

Приехав в терапевтическую клинику Кенигсберга,

Сергей Петрович наметил план будущего самообразования у медицинских светил Европы:

У Рудольфа Вирхова он два года осваивал «клеточную теорию», в совершенстве овладев микроскопом, который в Москве лишь показывали; работал в клинике Людвиг Траубе;

В Берлине он также прилежно изучал биохимию и физиологическую химию у Эрнеста Гоппе-Зейлера;

В декабре 1858 года вместе с И.М.Сеченовым он глубоко постигал физиологию у венского профессора Карла Людвига затем в Париже – у Клода Бернара, работал в клиниках Бартеза и Бушо, перенял лучшие стороны их устройства;

Вместе с супругой Анастасией Крыловой один год провел на минеральных курортах Германии и Англии, а вернувшись в Париж, получил приглашение на работу в Россию - в терапевтической клинике императорской ВМА в столице.

В Санкт-Петербург он приехал 10 августа 1860 года, где 17 сентября защитил докторскую диссертацию («О всасывании жира в кишках») и через год (то есть в 28 лет) был избран профессором факультетской терапевтической клиники

Кафедрой терапии 4 курса заведовал Павел Дмитриевич Шипулинский, человек знающий, но очень больной и отставший от современной науки. Студенты вскоре оценили достоинства и преимущества Боткина и стали охотнее ходить к нему на лекции, чем к Шипулинскому. После нескольких побед Боткина у постели больных отношения его с Шипулинским испортились, и последний был вынужден подать в отставку. Среди профессоров тогдашней академии существовало две враждебные одна другой партии: немецкая и русская. Первая предложила на конференции передать клинику кому-нибудь из «наличных» профессоров, Экку или Бессеру, даже пригласить Нимейреа, оставив Боткина в звании адъюнкта; но тогда Боткин, которому ректор Дубовицкий при поступлении в академию обещал, что он тотчас же получит место ординарного профессора, как только откроется вакантная клиника, подал заявление об увольнении, если не будет самостоятельным хозяином в освободившейся клинике.

Феликс фон Нимейер

Felix von Niemeyer (1820-1871) немецкий медик, педагог, научный писатель и личный врач короля Вюртемберга, имел кафедры внутренних болезней в Тюбингенском университете и Грайфсвальдском университете. По предложению ректора МХА Дубовицкого дал согласие на переезд в Петербург, чтобы занять место Шипулинского и даже готов был выучить русский язык...

Неизвестно, чем кончились бы эти препирательства, если бы не явилась на конференцию депутация от студентов с просьбой отдать Боткину предпочтение перед другими конкурентами и не склонила бы тем чашу весов на его сторону: он был избран ординарным профессором.

О нем писал его друг Николай Андреевич Белоголовый (1834-1895) «С.П. Боткин, его жизнь и врачебная деятельность»:

«При... безграничной любви к делу, при необыкновенных способностях, трудолюбии и громадных познаниях Боткин, овладев клиникой, постарался поставить ее на такую высоту, на какой до него не стояла ни одна клиника у нас, да едва ли и в Западной Европе. В клинике сосредоточилась вся его страсть к науке и именно самая благородная сторона знаний — применение их к жизни; от клиники он получал двойное удовлетворение. **Во-первых**, в ней он продолжал учиться сам, проверяя все, что ему давали как книги, так и те соображения и задачи, которые зарождались, вырабатывались и в несметном количестве накапливались в его постоянно работавшем мозгу; в свою очередь и клиника, как непосредственное наблюдение больных, беспрестанно наталкивала его на новые вопросы и выводы, служившие целям его самообразования.

Во-вторых, в клинике он любил, и чуть ли не больше всего, свое преподавательское дело; в чтении лекций он видел не простое исполнение своего долга — для него они составляли живую, неодолимую потребность его натуры делиться собственными обширными знаниями и прививать к молодым формирующимся умам ту же веру в медицину как точную науку, которая одушевляла его самого».

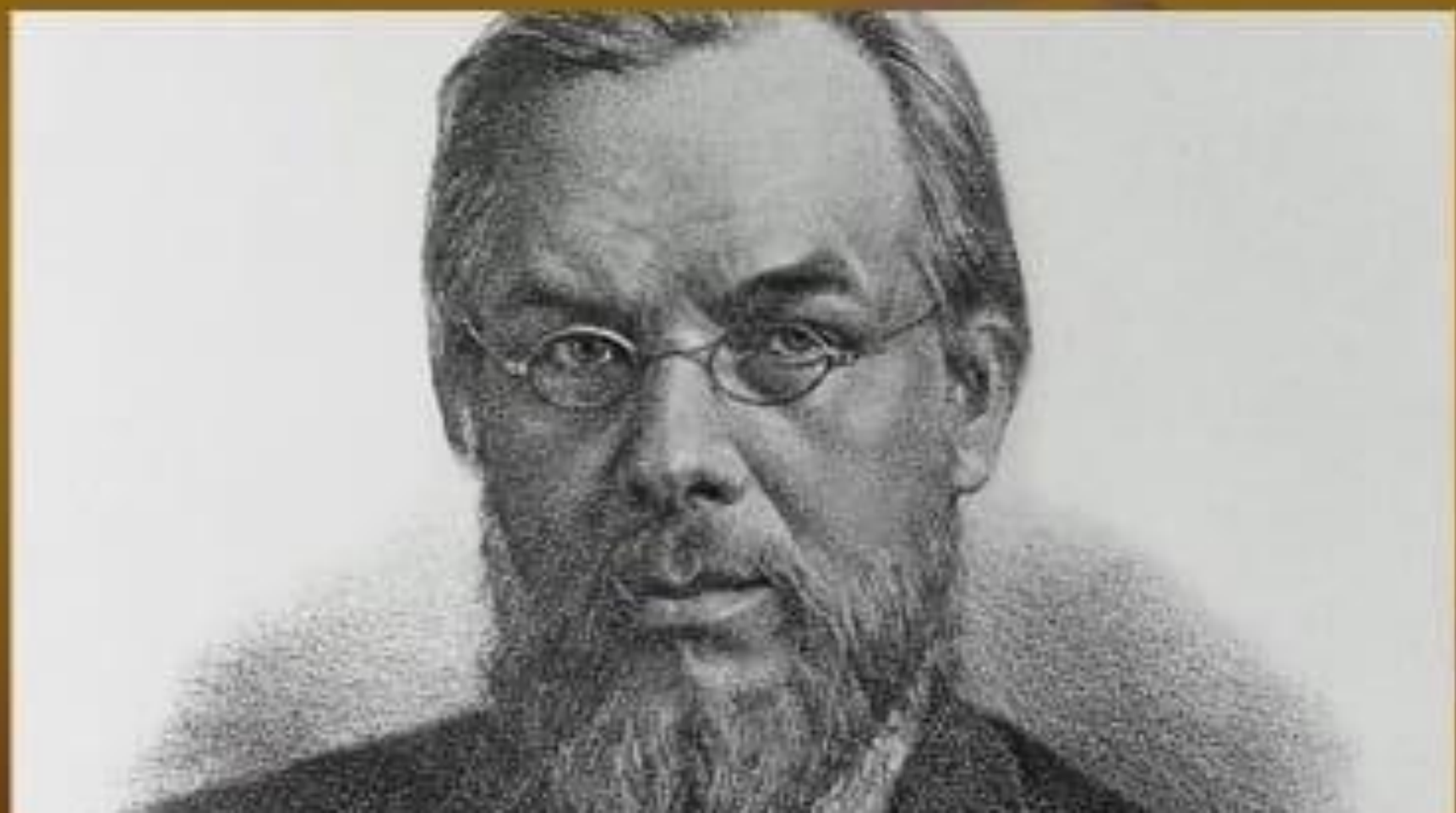
На своих лекциях Сергей Петрович представил принципиальное требование: «Задача клинического преподавания состоит в том, чтобы начинающий овладел методом клинического исследования и приемам умозаключения в такой степени, чтобы быть самостоятельным деятелем»

Н.Я.Чистович: «Началась лекция с расспроса больного...долго и для новичка даже слишком детального, но...стройного и красивого...»

Е.М.Тареев отмечал, что С.П.Боткин первый «выучил определять истинные размеры селезенки пальпацией», определял подвижность почек; он заложил основу науки гепатологии и нефрологии;

А.Л.Мясников считал, что Боткин создал кардиологию как клиническую специальность, объективизировав многие симптомы и признаки.

Но и за консультациями к Сергею Петровичу в частном порядке обращались до 50 человек в день, громадная популярность привел к тому, что прописанные лекарства стали в народе называть по его имени: «боткинские капли, порошки, пилюли и даже боткинский квас...»

«Три недели, как начались лекции», — читаем в одном из писем петербургского периода его жизни. «Из всей моей деятельности это — единственное, что меня занимает... Остальное тянешь, как ляжку, прописывая массу почти ни к чему не ведущих лекарств. Эта фраза и даст тебе понять, почему практическая деятельность в моей поликлинике так тяготит меня. Имея громаднейший материал хроников, я начинаю вырабатывать грустное убеждение о бессилии наших терапевтических средств. Прости меня за хандру, но нынче у меня был домашний приём, и я ещё под свежим впечатлением этого бесплодного труда».

РУССКАЯ
ВОЕННАЯ
ФАРМАКОПЕЯ,

часть I

по распоряжению военного

ведомства-ведомства военного ведомства.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ПИИИ ПИИИ.

Тиражи 10 000.

1866.

**Титульный лист
первой военной
Фармакопеи
на русском языке**

(1866)

Обычно профессор выглядел представительно, как на этом портрете, написанном Иваном Крамским, а И.П.Павлов писал: «Его обаяние среди больных поистине носило волшебный характер: лечило одно его слово, одно посещение больного».

Обладая выдающимися диагностическими способностями, Сергей Петрович всю жизнь умело развивал их практикой

И.М.Сеченов: «Тонкая диагностика была его страстью и в приобретении способов к ней он упражнялся столько же, как артисты вроде Антона Рубинштейна...Раз, в начале своей профессорской карьеры, он взял меня оценщиком его умения различать звуки молоточка по плессиметру. Становясь посредине большой комнаты с зажмуренными глазами, он велел поворачивать себя вокруг продольной оси несколько раз, чтобы не знать положения, в котором остановился, и затем, стуча молотком по плессиметру, узнавал, обращен ли плессиметр к сплошной стене, к стене с окнами, к открытой двери в другую комнату или даже к печке с открытой заслонкой». Точные диагнозы были результатом подобных упражнений.

Впервые в истории России Сергей Петрович не перевел с немецкого, а выпустил свой учебник «Курсъ клиники внутреннихъ болезней»

Кроме этого, он стал членом главного управления Общества попечения о раненых, Гласным Петербургской думы и заместителем председателя комиссии общественного здоровья Санкт-Петербурга (рисунок Ильи Ефимовича Репина)

Профессор Боткин с семьей проживал по адресу Загородный проспект 34, где вскоре собирались любители русской истории, культуры, музыки.

- «Такого круга людей талантливых, развитых, многосторонних и чистых я не встречал потом нигде, ни в высших вершинах политического мира, ни на последних маковках литературного и аристократического общества» - писал А.И.Герцен.
- на его журфиксах (еженедельных субботах у «Пяти углов» - были друзья: Иван Крамской, Иван Сеченов, Николай Некрасов, Михаил Салтыков-Щедрин, Антон Рубинштейн, Александр Герцен, Бородин, Балакирев, Стасов и другие...

Зимой 1864 года Сергей Петрович заразился от больного сыпным тифом и болел очень тяжело из-за перенапряжения. Для реабилитации жил в Италии, Вене и Берлине, но вновь работал в известных клиниках, слушал лекции ведущих профессоров Европы и после возвращения через полгода в Санкт-Петербург немедленно внедрил новейшие научные достижения в работу своей кафедры.

Восстановившись после перенесенного сыпного тифа, он стал консультировать больных инфекционных больниц, приступил к устройству новых лазаретов, в частности, при общине Св. Георгия и Александровской барачной больницы.

Но в самом начале 1865 года в Санкт-Петербурге и во всей России «грянула» моровая беда – очередная эпидемия холеры.

Пандемии холеры разрушали Россию в течение XIX – XX веков 9 раз (1823, 1829, 1830, 1837, 1847, 1852, 1865, 1892, 1908).

В ту самую жестокую эпидемию председателем медицинской комиссии в столице был назначен профессор Московского университета Михаил Яковлевич Мудров, но он сам заразился холерой и 8 июля 1831 скончался, а его заменил Сергей Петрович Боткин.

В эпидемию холеры 1865-66 годов Боткин осматривал заболевших, выражал сомнение по поводу действия рекомендованного универсального средства – смеси опийной настойки и дубильной кислоты, требовал более активной позиции от врачей, делал упор на профилактику инфекций.

По структуре смертности Россия XIX века напоминала нынешние беднейшие страны Африки — лидировали инфекционные и воспалительные заболевания. По настоянию Боткина в 1882 году в Петербурге открылась Александровская барачная больница, наша первая инфекционная лечебница, которая по европейским меркам считалась образцовой, чуть позже ей было присвоено имя Сергея Петровича Боткина.

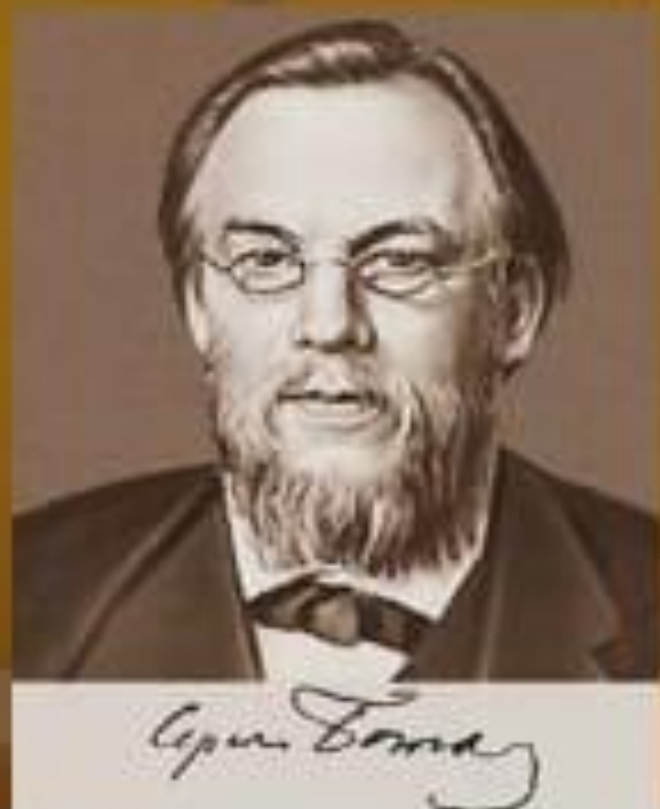

Весь накопленный диагностический опыт вскоре пригодился Сергею Петровичу - 10 лет он был врачом великодержавной пациентки – жены русского Императора Александра II.

22 ноября 1870 года Высочайшим указанием ординарному профессору Императорской Медико-хирургической академии, совещательному члену Медицинского совета Министерства внутренних дел и Военно-медицинского учёного комитета действительному статскому советнику Боткину Всемилоостивейше повелено быть почётным лейб-медиком Двора Его Императорского Величества с оставлением его при занимаемых им должностях.

Методы обследования больных женщин императорской фамилии не предполагали непосредственного осмотра, а диагностирование заболевания и определение методов его лечения врачи определяли только на основании сбора анамнеза. Первым из придворных медиков, кто начал ломать отжившие традиции и применять общепринятые методы диагностики в императорской семье, был профессор Боткин. Он испросил и получил разрешение у царя на объективные способы исследования: постукивание, выслушивание и пальпацию.

После возвращения из Зимнего дворца он вновь жил заботами кафедры и клиники: лекции, больные, наука, курсанты, ординаторы и докторанты...

Центральным звеном клинической концепции Боткина является учение о внутренних механизмах развертывания патологического процесса в организме (учение о патогенезе). Он доказывал, что одна из теорий, так называемая гуморальная теория медицины, с ее учением о расстройстве движения и соотношения «соков» в организме, совершенно не разрешала проблемы патогенеза.

Господствовавшая в то время целлюлярная теория объясняла лишь два частных случая патогенеза: распространение болезненного начала путем непосредственного перехода его с одной клетки на другую и распространение путем переноса его кровью или лимфой.

Такой подход обязывает врача рассматривать организм в целом, ставить диагностику не только болезни, но и непосредственно «диагностику больного», лечить не только болезни, но и больного в целом. В этом коренное отличие клиники Боткина от клиник гуморальной и целлюлярной школы. Развивая все эти идеи, он создал новое направление в медицине, охарактеризованное И. П. Павловым как направление нервизма.

С. П. Боткин установил различие между гипертрофией и дилатацией сердца, описал постсистолический шум при стенозе устья левого венозного отверстия, указал, что при недостаточности аортальных клапанов диастолический шум может выслушиваться в третьем-четвертом межреберье слева от грудины (точка Боткина, или 5-я аускультативная точка сердца). Им впервые в мировой литературе дано клиническое описание атеросклероза. Много нового внес С. П. Боткин в учение о периферическом кровообращении. В 1867 г. он высказал идею об активности артериального и венозного кровообращения, развитую в дальнейшем в учение о периферическом сердце в трудах его учеников и последователей. В 1875 г. С. П. Боткин со своими учениками установил участие селезенки в депонировании крови, тщательно изучали физиологию и патологию желчеотделения и всего желудочно-кишечного тракта.

В 1877–1878 гг. С.П. Боткин пробыл около семи месяцев на балканском фронте в качестве лейб-медика при царской ставке. Главной его задачей было наблюдение за здоровьем императора, которое, было не слишком крепким и опять в оценке здоровья царя не имел права на ошибку...

Боткин писал в своих письмах к жене государя, «почти на всех стоянках была какая-нибудь болезнь: в Плоэшти — лихорадка с катаром бронх; в Белой — эпидемический катар желудка и кишок; здесь (в Горном Студне) в первый приезд — кровавый понос, во второй приезд — лихорадка местная с катарами кишок и бронх».

В 1877 году Сергей Петрович Боткин получил чин Действительного Статского советника и Тайного Советника. Активная жизненная позиция, интерес к общественной деятельности позволили лекарям Российской империи избрать профессора Боткина председателем Общества русских врачей.

Сергею Петровичу Боткину принадлежит большое число выдающихся открытий в области медицины. Он блестяще разработал диагностику и клинику опущенной и «блуждающей» почки, первым высказал мысль о специфичности строения белка в различных органах. Во время эпидемий холеры в российской столице по его рекомендации были введены жесткие профилактические мероприятия. В клинике инфекций указал, что катаральная желтуха, которую Вирхов трактовал «механической», относится к инфекционным заболеваниям и ее современное наименование пережило автора и стало «болезнью Боткина». Установил также инфекционный характер геморрагической желтухи, описанной А. Вейлем.

В течение жизни Сергей Петрович не только вылечил тысячи больных, но и подготовил множество учеников, почти двадцать из них впоследствии стали профессорами: Манасевич, Яновский, Чистович, Сиротинин, Кудревецкий и другие. Они работали в разных университетах и распространяли знания Боткина по всей России.

Некоторые ученики, вышедшие из клиники Боткина вскоре возглавили собственные кафедры: Н. А. Виноградов — в Казанском университете, В. Т. Покровский — в Киевском университете, В. Г. Лашкевич — в Харьковском, Л. В. Попов — в Варшавском университете.

Кроме этого, Сергей Петрович активно ратовал за идею женского медицинского образования в России, стоял в самом начале создания Женского медицинского института (ныне ПСПбГМУ имени И.П.Павлова).

С. П. Боткин выдвинул своих учеников в петербургские больницы и другие города России. Именно он открыл доступ в клиники для русских врачей, ранее закрытый или затрудненный до крайности. В результате всех нововведений было принято повсеместно написание историй болезни исключительно на русском языке, обогащенном современными медицинскими терминами и понятиями.

Скончался профессор от сердечного застоя 24 декабря 1889 года в Ментоне (Франция). Когда тело доставили в Российскую столицу, то в ней проходил съезд русских врачей. Научные заседания прервали. Врачи несли на руках гроб с телом своего учителя и кумира 4 версты (или 4,3 км) от Варшавского вокзала до Новодевичьего кладбища.

Сергей Петрович Боткин в
медицине – это наше все; точно
так, как Пушкин в русской поэзии!

**Спасибо за
внимание!**